

ТРАЕКТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА XX ВЕКА

УДК 821.161.1-3

ББК Ш33(2Рос=Рус)6-008.6

ГСНТИ 17.07.29

Код ВАК 10.01.01

Н. В. Барковская

А. Н. Юркина

Екатеринбург, Россия

«С ПОЛУРУССКОГО, ПОЛУЗАБЫТОГО...»: ВЫБОР ЯЗЫКА КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ЭМИГРАНТА

Аннотация. На материале рассказов Тэффи и Аверченко рассматривается ироническое осмысление причин коммуникативной неудачи героев, не желающих терять свою «русскость». Обращение к произведениям авторов «третьей волны» (А. Сохрина) показывает сохранение образа жизни «без языка», но при этом сам язык уже не воспринимается как метафизическая сущность, осознается как средство общения. Произведения современных авторов, относящихся к «четвертой волне» (З. Зиник, Л. Горалик), свидетельствуют о преодолении языкового отчуждения. Избранный материал демонстрирует изменение самого понятия «эмиграция» (апатриды, репатрианты, экспаты) и движение в сторону принципа поликультурализма как основы сотрудничества и успешной реализации личности. Понятие «чужой» язык сменяется понятием «другой» язык. В качестве доказательства приводится рассказ Г. Рыбиной-Друон «Мне 13 лет», в котором сатира уступает место доброму юмору.

Ключевые слова: литература русского зарубежья; русское зарубежье; русская литература; русские писатели; писатели-эмигранты; литературное творчество; литературные герои; литературная эмиграция; коммуникативные неудачи; разговорная речь.

N. V. Barkovskaya

A. N. Yurkina

Yekaterinburg, Russia

«FROM SEMI-RUSSIAN, HALF-FORGOTTEN...»: LANGUAGE ALTERNATIVE AS A PSYCHOLOGICAL PROBLEM OF THE EMIGRANTS

Abstract. On the base of Teffi and Averchenko stories the ironic interpretation of the causes of communication failure of heroes who did not want to lose the «Russian character» is discussed. The works of «third wave» of Russian emigration (A. Sohrina) authors shows the retention of lifestyle «without language», but the language itself is no longer perceived as a metaphysical entity, but is seen as a communication means. The works of «fourth wave» contemporary authors (Z. Zinik, L. Goralik) show the overcome of linguistic alienation. These texts demonstrate a modification of the concept of «immigration» (stateless persons, returnees, ex-pats) and moving towards the principle of multiculturalism as a basis for cooperation and successful realization of the individuality. The concept of «alien» language gives a way to the notion of the «other» language. As evidence the authors analyse the story by G. Rybina-Druon «I am 13 years old» where satire is replaced by good humour.

Keywords: Russian émigré literature, Russian literature abroad; Russian literature; Russian writers; émigré writers; creative writing; literary heroes; literature of emigration; communication failures; speaking.

*Знаю восемь языков,
Но настолько бестолков,
Что при всех восьми, кретин! —
Шляюсь, высунув один...*

— так с самоиронией писал Дон-Аминадо в цикле «Наша маленькая жизнь» [Дон-Аминадо 1995: 196], играя разными значениями слова «язык». Почему же, при всех своих языковых знаниях, герой иронического стиха оказывается одиноким, ненужным, «кретином» с высунутым языком (то ли дразнится, то ли изнемогает)? Выбор языка как психологическая проблема становится предметом осмысления во многих произведениях русских эмигрантов, в том числе, и в комическом/ироническом ключе. И это не просто выбор средства общения, но и выбор своей идентичности, своего жизненного пути, своей социокультурной роли. Эмиграция воспринимается как переселение в мир иной, на «тот свет»: Тэффи в рассказе «Ностальгия» пишет об этом с горечью («Ни во что не верим, ничего не ждем, ничего не хотим. Умерли.» [Тэффи 2008: 211]). Как ни стран-

но, эту идею о «том свете» подхватывает и наш современник Зиник: «Вопрос о существовании литературы в эмиграции сводится, таким образом, к вопросу: существует ли жизнь после смерти?» [Зиник 2011: 254]. Встает проблема: на каком языке следует говорить в «запредельном» мире? Ответ на этот вопрос менялся в зависимости от условий и целей эмиграции в разные исторические периоды.

Наиболее контрастно сопоставление взглядов на языковую идентичность в произведениях авторов первой и третьей волн эмиграции, так называемых «апатридов» и «репатриантов». (В произведениях писателей второй волны, так называемых «ди-пи», мало известных российскому читателю, комического освещения данной проблемы мы не встретили; рассказы авторов современных, «четвертой» волны, демонстрируют снятие проблемы языкового выбора).

Эмигранты первой волны, «беженцы», ощущали себя, как известно, хранителями русской классической культуры. Не ассимилируясь с новой для них средой, они стремились сохранить русский язык как метафизическую сущность, Божественное Слово-

Логос, как основу и опору своей личности, как оправдание своего пребывания на «том свете». К. Бальмонт признавался: «Для меня русская грамота, как я ее узнал, икона. Какой же верующий будет изменять свою икону или подрисовывать ее?» [Бальмонт 1992: 358]. Об этом же писали (по обе стороны границы) Н. Гумилев («И в Евангелии от Иоанна / Сказано, что слово — это Бог» [Гумилев 1992: 258]), В. Лосский, С. Трубецкой [см.: Степанов 2001: 376].

Мифологизация своего родного языка побуждала воспринимать другой язык как «чужой», отталкиваться от него и от его носителей. Тэффи: «Но ведь это ихняя l'herbe, а не наша травка-муравка»; ей вторит М. Осоргин: «Было это в другой стране, не в здешней, — там и травы говорят на другом языке — и уж до чего знакомом... И с травами другим языком, не здешним, говорит человек» [Осоргин 2005: 204]. Отчуждение от всего не-русского приводит к сбою коммуникации, к романтической позиции изгоя-изгнанника, лелеющего свою особость, к отталкиванию от собеседника. В том же рассказе «Ностальгия» Тэффи передает квазидialog между старой нянькой из Москвы и француженкой-кухаркой:

— *А вот скажи ты мне, отчего у вас благовесту не слышно? Церкви есть, а благовесту не слышно. Небось молчишь! Молчать всякий может, молчать очень даже легко <...>*

— *Я в суп кладу селлери и зеленый горошек, — любезно отвечает кухарка. <...>*

— *А ты что? Ты, пожалуйста, и киселя-то никогда не пробовала!*

— *Le président de la republique? — удивляется кухарка* [Тэффи 2008: 212-213].

Однако полная изоляция невозможна, люди так или иначе осваиваются, в их речи смешиваются русские и иностранные слова. «...с кондачка переход на Буль-Миш. / С полурусского, полузабытого / переход на подобье арго.», отмеченный В. Набоковым в «Парижской поэме» [Набоков 1991: 276], обыгрывается писателями в традиционно-комическом приеме макаронической речи.

Русский парижанин («лерюсс») утешает приехавшего из Берлина соотечественника:

«— *Подождите, найдем вам какое-нибудь meuble...*

— *А в каком бецирке дешевле?*

— *Что?*

— *Я спрашиваю, в каком бецирке...*

— *Господи, да вы совсем по-русски говорить разучились. Ну, кто же говорит "в бецирке"!*

— *А как же по-русски?*

— *По-русски это называется арондисман»* [Тэффи 1998: 173]

Комичные примеры приводит Тэффи в рассказе «Русский язык», в очерке «Я видел собаку сидеть», напр.: «Приезжие из России очень удивляются нашему языку. Действительно, язык странный: “Фам де менаж делает кровать”. Вы думаете, это значит, что она столярничает? Ничуть не бывало — она просто-напросто стелет кровать» [Тэффи 1999:

226]. Снижая сакральный пафос вокруг русского языка, Тэффи настаивает на том, что язык — живое тело, растет, развивается, что-то мертвеет и отпадает, появляются новые ростки — не всегда прекрасные. В очерках «Наши богатства», «Незабываемое» писательница с юмором перечисляет массу просторечных, жаргонных словечек — синонимов к словам «украсть», «лицо», «дурак», «выпить». По мнению писательницы, нельзя засушивать живой язык: «Огромная Россия сочела сотни наречий, тысячи акцентов. Каждая губерния, каждый уезд окали, цокали, гакали по-своему. Тот сухой академический язык, который рекомендуется нам сейчас, существовал лишь в литературе...» [Тэффи 2008: 231].

Аверченко с сарказмом пишет о преуспевающим за границей русском писателе, все еще силящемся писать по-русски. Покидая крымский берег, писатель вещал с пафосом, правда, с легкостью переходя от монастырей к ресторанам: «Прощай, моя бедная истерзанная родина! Временно я покидаю тебя <...> И на чужбине я буду помнить твои маленькие церковки и зеленые монастыри, буду помнить тебя, холодный красавец Петербург, твои улицы, дома, буду помнить «Медведя» на Конюшенной, где так хорошо было запить расстегай рюмкой рябиновой!..». Прошел год, писатель вполне прилично обосновался в Париже. И вот однажды решил написать рассказ о своей дорогой родине. Начал так: «Шел унылый, скучный дождь, — который только и может идти в Петербурге... Высокий молодой человек быстро шагал по пустынной в это время Дерibasовской <...> свернул на Конюшенную и вошел, потирая руки, к «Медведю». — «Что, холодно, monsieur?» — спросил метрдотель, подавая карточку. — «Mais qui, — возразил молодой сей господин. — Я есть большой замерзавец на свой хрупкий организм! Прошу вас очень, подайте мне один застегай с немножечком roissom bien frais и одну рюмку рабиновку». После замечаний жены, что Дерibasовской нет в Петербурге, а Рабиновка — жена Рабиновича, слова «замерзавец» не существует, писатель глубоко задумался и больше ничего не написал. Прошел еще год. Писатель снова начал рассказ о русской жизни, «о наша славненькая матучка Россия». И он написал: «Была большая дождика. Погода был то, что называй веритабль петербуржен! Один молодой господин ходил по одна улица, по имени сей улица: Крешиатик. Ему очень хотелось manger. Он заходишь на Конюшню сесть на медведь и поехать в restaurant, где скажешь: garcon, une tasse de рабинович и одна застегайчик avec тарелошка с ухами...» [Аверченко 1995: 164-167]. Стремление извлечь символический капитал из своей русской «особости» делает героя рассказа смешным, отчужденным как от европейской, так и от русской культуры.

Герои произведений авторов третьей волны эмиграции (репатрианты, т.е. выехавшие из СССР на свою историческую родину, в Германию или Израиль) склонны повторять идею «беженства» эмигрантов первой волны. Сохраняется (эксплицитно) и мотив «того света», например: «Первые месяцы мы жили на еврейском кладбище. На краю большого тенистого парка стояли три двухэтажных домика. В первом

отпевали покойников, во втором хранили гробы, метлы, тряпки и прочий кладбищенский инвентарь, ну а в третьем жили мы» [Сохрина 2008: 148]. Эмиграция по-прежнему воспринимается как тяжкая травма: «Тяжело бремя эмиграции, объективно труден и трагичен этот процесс, кровоточат отрезанные нити сосудов, связывавшие тебя с давними друзьями, коллегами по работе, любимым городом. А обрстет ли пересаженное деревце новыми корнями, способными полноценно питать его, или зачахнет, начнут вянуть на глазах некогда могучие, высокие ветви. Кто знает?» [Сохрина 2008: 138].

Однако у этих героев вовсе нет стремления сохранять свою «русскость» (советскость). Они вывезли с собой опыт жизни в «закрытом» обществе, где изучение иностранных языков, входя в школьную программу, не было мотивировано перспективой реального применения знаний, а потому этот лингвистический багаж оказывался мертвым грузом. В данном случае, язык для эмигрантов уже не являлся воплощением Божественного начала, истолковывался как необходимое средство коммуникации и минимальное условие практического успеха в новой стране проживания.

Ситуация многих приехавших в Германию с точностью напоминала драматическую историю Матвея из рассказа В. Г. Короленко «Без языка» (1895). Крестьянин из села Лозищи Волынской губернии отправился в Америку на поиски свободной жизни. Молодой, добродушный, физически сильный, Матвей без знания языка стал жертвой проходивцев, чуть ли не убил полицейского, вынужден был скрываться, и спасла его только помощь русского эмигранта Евгения Нилова, давшего и приют, и работу на лесопилке.

Если Матвей сумел найти крестьянскую работу на земле, какой был занят и на родине, то для выехавших в 1980-е гг. «безязыкая» эмиграция автоматически означала снижение социального статуса. Герои сетуют: «И как в таком случае можно было ехать в Германию, говоря и понимая только по-русски? Однако, приехали...» [Сохрина 2008: 150], «Э-эх, да что теперь говорить! Когда ни сказать, ни понять. На что, спрашивается, рассчитывал?» [Сохрина 2008: 149]. Незнание языка порождало огромный клубок накапливающихся проблем, которые было очень сложно разрешить. Невозможность изъясняться автоматически ведет к полной беспомощности в отстаивании своей точки зрения, своих прав: «О, если бы я могла свободно говорить с ним на одном языке, как это было с моими недоброжелателями в России! Как быстро можно бы все поставить на свои места! Здесь же я была ужасающе, непривычно косноязычна, а то и просто нема (словарного запаса не хватало), а, значит, и бесправна» [Сохрина 2008: 157]. Таким образом, «немцами» (т.е. «немыми») выглядят в Германии российские выходцы. Писательница обращает внимание на то, что изучение иностранного языка становится подчас непосильной задачей для людей старшего поколения: «Часть эмиграции, особенно пожилые люди, так и живут «без языка». Я их не виню. Изучение немецкого большой труд, огромное напряжение, и многим оно просто не

под силу» [Сохрина 2008: 151]. С грустным юмором повествует об этом Сохрина: «— Ах, сказала как-то Ирка, с тоской глядя на лежащий перед ней учебник. — Когда меня заставляют учить немецкий, у меня полное ощущение, что меня спаривают с мужчиной, которого я не хочу» [Сохрина 2008: 163].

Писатели этой волны эмиграции потому иронически описывают беды своих соотечественников, что прекрасно понимают, насколько важна энергия и устремленность самого человека. Татьяна Розина приводит примеры из жизни людей, которые смогли добиться успеха в эмиграции: «Откройте первую страницу журнала "Партнёр", который держите в руках. В графе членов редакции прочитаете целый список фамилий людей, которые не спрашивали себя, кому они тут нужны, а взялись и сделали такой полезный и нужный для нас журнал. Михаил Вайсбанд и Борис Вайнблат (гл. редактор и его заместитель) приехали в Германию в пенсионном возрасте, с профессиями не очень-то требуемыми в Германии, без знания немецкого языка. <...> Они рискнули и, не имея опыта в издательском деле, решили сделать журнал, который будет нужен читателям, который будет им помогать в трудном деле интеграции в новом обществе. И журнал этот есть, и с успехом работает редакция. И таких примеров, к счастью, немало» [Розина].

Матвей из рассказа Короленко в конце концов прижился в Америке, в финале рассказа он приезжает за Анной, своей невестой, и старая барыня, у которой девушка служила прислугой, с трудом узнала его, хотя ей и было жаль исчезнувшей «ласковой и застенчивой покорности прежнего Матвея» [Короленко 1979: 125].

Так давнишняя история подтверждает основную мысль писателей третьей волны эмиграции: спасение не в языке, а во внутренней ответственности, воли и собранности самого человека. Рассказ Галины Рыбиной-Дрюон (родившейся в 1950 г., бурятки по национальности, с 2002 г. живущей в Париже и много делающей для популяризации бурятской культуры) «Мне тринадцать лет» показывает, что эмиграция может быть совсем не уходом в мир иной, а началом новой жизни (как в 13 лет!), причем приобретенные еще в Советском Союзе знания могут пригодиться, если человек внутренне переломит себя, сумеет преодолеть отчуждение, наладить дружеский контакт, «заговорит».

Лина, героиня рассказа, приехала из России, бродит по какому-то небольшому французскому городку. Ее привлекла витрина магазина игрушек: там были выставлены самые разные очаровательные куклы, сделанные с удивительным мастерством. Лина заходит в магазинчик, к ней обращается хозяйка-итальянка, которая и мастерит этих кукол. Лине очень хочется с ней побеседовать. Но из давних школьных уроков французского языка ей вспоминаются только тексты вроде «Моя родина СССР», «Моя семья», «Моя школа». И все же она начинает говорить:

«— Мне тринадцать лет!.. — вдруг сказала она по-французски.

Продавица осеклась на полуслове... Лицо ее вовсе вытянулось, когда Лина добавила: «Я учусь в пятом классе!».

Итальянка молчала, потрясенная возникшим диалогом. А Лина, настырно улыбаясь, еще раз повторила свое филологическое достижение: «Мне тринадцать лет!..».

Она, улыбаясь, смотрела на продавщицу и продолжала: «У меня есть кошка и собака... Я иду в кино. На улице много машин!..». Та изумленно молчала... То ли ее так сильно потрясла полученная информация, то ли не понимала, почему беседа приняла такой неожиданный разговор... А Лину несло!..

— Я пою песню, — сказала она. Продавщица улыбнулась. Лине это очень понравилось. Лед тронулся!..

— Один, два, три, четыре!.. — сказал Лина радостно. Итальянка засмеялась и сказала: «Пять, шесть, семь!..», потом подождала секунду и продолжила: «Восемь, девять...».

— Десять! — громко закричала Лина!.. — Я пересекаю улицу. Я люблю омут» [Рыбина-Дрюон 2012: 101–105].

И разговор состоялся! Лина сообщила, что живет на озере Байкал, в далекой Сибири, а озеро Байкал — самое чистое и самое глубокое озеро в мире. Выйдя из магазина, Лина была счастлива: она говорила по-французски, она впервые осмелилась заговорить, преодолев свою стеснительность. «С того дня прошло девять лет. Они дружат до сих пор».

Сохранить свою идентичность можно, пользуясь языком новой страны проживания, и это вовсе не измена самому себе, а преодоление языкового барьера.

Произведения писателей-эмигрантов начала XXI в. обнаруживают еще одну причину перехода на другой язык: человек хочет стать иностранцем, чтобы освободиться от пределов, положенных родным языком. Зиновий Зиник пишет, что гораздо свободнее говорит о России на английском, а об Англии — на русском. Но истинная свобода, уверяет он, начинается тогда, когда он говорит о России по-русски и об Англии по-английски: «...двойной скачок — в обратном переводе с оригинала — избавляет от страхов, навязанных манеризмами речи и табу, заученными с детства» [Зиник 2011: 247]. Впрочем, тут тоже не все бывает просто. В романе Евгения Клюева «Транслит» герой, живущий в Дании и работающий там преподавателем датского языка, проезжает по пути из Москвы в Берлин мимо родной Твери (некогда — г. Калинина), и весь дальнейший путь его мучает состояние раздвоенности, расщепленности личности, а в русский текст спонтанно включаются фрагменты, написанные по-немецки или по-датски. В романе в духе постмодернизма реальность замещается языком. Когда-то в детстве герой играл в иностранца, говоря «на иностранном языке» — набор русских звуков в непривычной последовательности. Где-нибудь на перекрестке он обращался к прохожему, спрашивая, как пройти к «улитке Правди» [Клюев 2012: 71]. Мечта уехать осуществилась, и даже слишком: он стал преподавать в Дании датский язык, что смущало поначалу его «латентный шовинизм», побуждающий думать, что датский язык в Дании должен преподавать человек с «врожденным датским». Но получилось следующее: в Дании так же, как русский язык необязательно должны были преподавать рус-

ские, немецкий — немцы, французский — французы, так и датский необязательно должны были преподавать датчане [Клюев 2012: 371].

Языковая свобода представителей четвертой волны эмиграции опирается на принцип поликультурализма. Даже понятие «эмигрант» не вполне приложимо к людям с двойным гражданством, работающим по контракту специалистам, учащимся за рубежом студентам; иногда используется понятия «экспат» или «гражданин мира». Ю. Степанов напоминает, что первым назвал себя «гражданином мира» Диоген [Степанов 2001: 149].

Приведем только один пример, из книги Линор Горалик «Библейский зоопарк». Очерки, собранные в книге, родились из блога, который писательница вела на Booknik.ru в 2011 г., описывая свои впечатления от Израиля (страны, где живут ее родители, уехавшие некогда из Днепропетровска, где жила она сама, заканчивала университет). Горалик пишет: «Пока все кругом ведут сложные философские разговоры про израильскую идентичность — все эти Восток/Запад, инновация/архаика, религиозное/светское, пятое/десятое, — израильтяне отлично живут с этой своей идентичностью. Метод довольно прост, очень эффективен, и лучше всего его демонстрирует мальчик Дани из Петах-Тиквы, сын известного израильского поэта. Дани растет в типичной израильской семье: папа у него из Украины, мама — «марокканка», мамина мама — из польской семьи, а бойфренд папиной мамы — австралиец, до Израиля двадцать лет проработавший в Штатах. В результате у мальчика Дани четыре бабушки: украинская, польская, австралийская и сестра австралийской...» [Горалик 2012: 93]. При наличии четырех бабушек дедушке не часто достается Даничка, поэтому он в нем души не чаёт. В книжном магазине мальчик выбрал «черные кровавые томики» «Сумерек», дедушка не решается возразить, только спрашивает, почему мальчик выбирает эти книги на иврите, хотя мог бы читать их в оригинале, на английском. Хитрый ребенок, в угоду маме, отвечает: «Because I grew up a lazy little Moroccan!» [Горалик 2012: 100].

Таким образом, «закрытое общество» формирует противопоставление «свой язык» — «чужой язык»; в обществе «открытом» гораздо чаще и продуктивнее работает связка «свой язык» + «другой язык», способствующая не отчуждению, а сотрудничеству и самореализации личности.

ЛИТЕРАТУРА

Аверченко А. Трагедия русского писателя // Русское зарубежье: Хрестоматия по литературе. — Пермь: Пермская книга, 1995. — С. 164–167.

Бальмонт К. Д. Русский язык // К. Д. Бальмонт. Где мой дом: Стихотворения, художественная проза, статьи, очерки, письма / сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. — М.: Республика, 1992. — С. 358.

Горалик Л. Библейский зоопарк. — М.: Книжники; Текст. 2012. — С. 93. (Чейсовская коллекция).

Гумилев Н. С. Стихи; Проза / вступ. статья Вяч. Иванова; сост., науч. подгот. текста, послесл. Н. Богомолова. — Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1992. — С. 258.

Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь // Русское зарубежье: Хрестоматия по литературе. — Пермь: Пермская книга, 1995. — С. 196.

Зиник З. Эмиграция как литературный прием. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — С. 254.

Короленко В. Г. Без языка. — М.: Советская Россия, 1979. — С. 125.

Набоков В. Парижская поэма // Набоков В. В. Стихотворения и поэмы / сост., вступ. ст., подгот. текстов и примеч. В. С. Федорова. — М.: Современник, 1991. — С. 276.

Осоргин М. А. Происшествия зеленого мира // М. А. Осоргин. Времена. Происшествия зеленого мира / сост., примеч., статья О. Ю. Авдеевой. — М.: НПК «Интелвак», 2005. — С. 204.

Розина Т. А. Кому мы тут нужны? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://samlib.ru/r/rozina_t_a/komumytutnuzhny.shtml.

Рыбина-Дрюон Г. Мне 13 лет // Из Парижска. Русские страницы. — 2012. — № 2. — С. 101–105. — Режим доступа: <http://belmamont.ru/files/rc-6.pdf>.

Сохрина А. Б. Дамские штучки. — СПб.: Алетейя, 2008. — С. 148.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Академический проект, 2001. — С. 149.

Тэффи Н. А. Ностальгия // Тэффи: Антология Сатиры и Юмора России XX века. Том 12. — М.: Эксмо, 2008. — С. 211.

Тэффи Н. А. Собр. соч.: в 3 т. — М.: Лаком, 1998. — Т. 3. — С. 173.

Тэффи Н. А. «Я видел собаку сидеть» // Творчество Н. А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века / Редколл.: Михайлов О. Н., Николаев Д. Д., Трубилова Е. М. — М.: Наследие, 1999. — С. 226.

REFERENCES

Averchenko A. Tragediya russkogo pisatelya // Russkoe zarubezh'e: Khrestomatiya po literature. — Perm': Permskaya kniga, 1995. — S. 164–167.

Bal'mont K. D. Russkiy yazyk // K. D. Bal'mont. Gde moy dom: Stikhotvoreniya, khudozhestvennaya proza, stat'i, ocherki, pis'ma / sost., avt. predisl. i komment. V. Kreyd. —

М.: Respublika, 1992. — S. 358.

Goralik L. Bibleyskiy zoopark. — М.: Knizhniki; Tekst. 2012. — S. 93. (Cheysovskaya kolleksiya).

Gumilev N. S. Stikhi; Proza / vstup. stat'ya Vyach. Ivanova; sost., nauch. podgot. teksta, poslesl. N. Bogomolova. — Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1992. — S. 258.

Don-Aminado. Nasha malen'kaya zhizn' // Russkoe zarubezh'e: Khrestomatiya po literature. — Perm': Permskaya kniga, 1995. — S. 196.

Zinik Z. Emigratsiya kak literaturnyy priem. — М.: No-voe literaturnoe obozrenie, 2011. — S. 254.

Korolenko V. G. Bez yazyka. — М.: Sovetskaya Rossiya, 1979. — S. 125.

Nabokov V. Parizhskaya poema // Nabokov V. V. Stikhotvoreniya i poemy / sost., vstup. st., podgot. tekstov i primech. V. S. Fedorova. — М.: Sovremennik, 1991. — S. 276.

Osorgin M. A. Proisshestiya zelenogo mira // M. A. Osorgin. Vremena. Proisshestiya zelenogo mira / sost., primech., stat'ya O. Yu. Avdeevoy. — М.: NPK «Intelvak», 2005. — S. 204.

Rozina T. A. Komu my tut nuzhny? [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: http://samlib.ru/r/rozina_t_a/komumytutnuzhny.shtml.

Rybina-Dryuon G. Мне 13 лет // Iz Parizhska. Russkie stranitsy. — 2012. — № 2. — С. 101–105. — Rezhim dostupa: <http://belmamont.ru/files/rc-6.pdf>.

Sokhrina A. B. Damskie shtuchki. — SPb.: Aleteyia, 2008. — S. 148.

Stepanov Yu. S. Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury. — Izd. 2-e, ispr. i dop. — М.: Akademicheskii projekt, 2001. — S. 149.

Teffi N. A. Nostal'giya // Teffi: Antologiya Satiry i Yumora Rossii XX veka. Tom 12. — М.: Eksmo, 2008. — S. 211.

Teffi N. A. Sobr. soch.: v 3 t. — М.: Lakom, 1998. — Т. 3. — С. 173.

Teffi N. A. «Ya videl sobaku sidet'» // Tvorchestvo N. A. Teffi i russkiy literaturnyy protsess pervoy poloviny XX veka / Redkoll.: Mikhaylov O. N., Nikolaev D. D., Trubilova E. M. — М.: Nasledie, 1999. — S. 226.

Данные об авторах

Нина Владимировна Барковская — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: n_barkovskaya@list.ru.

Алла Николаевна Юркина — аспирант кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: semuhkina@mail.ru.

About the authors

Nina Vladimirovna Barkovskaya is a Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature and Methods of Teaching, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Alla Nikolaevna Yurkina is a postgraduate student of the Department of Literature and Methods of Teaching, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).